

В. Ю. Ткач

МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена проблемам эффективности осмотров мест происшествий и необходимости организационного разделения в экспертно-криминалистических подразделениях МВД функций экспертов и специалистов-криминалистов по примеру некоторых западноевропейских стран.

Ключевые слова: специалист-криминалист, осмотр места происшествия, исследования, организация, следственно-оперативная группа.

V. Y. Tkach

THE ACCIDENT SCENE AS THE OBJECT OF FORENSIC EXAMINATION

The article is devoted to the problems of efficiency of the accident scene examination and necessity of organizational separation of forensic specialists and experts' functions in expert criminalistic subdivisions of the Ministry of Interior of Russia by the example of some West European countries.

Keywords: forensic specialist, accident scene examination, examinations, organization, investigative operational group.

В УПК РФ понятие осмотра места происшествия как следственного действия раскрывается через его цель (ст. 176) — «обнаружение следов преступления, выявление других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». В этих кратких предписаниях, как и в последующей статье 177 УПК РФ, посвященной порядку производства данного следственного действия, не раскрываются его задачи, тактические особенности, вопросы организационного, научно-технического обеспечения и их решения. Между тем, как свидетельствует следственная практика, через эти категории формируются и реализуются условия эффективности осмотра места происшествия.

В этой связи в учебной литературе по криминалистике осмотр места происшествия определяется в основном (при редакционных различиях) как разновидность следственного осмотра, суть которого заключается:

а) в непосредственном восприятии и изучении следователем обстановки места происшествия;

б) обнаружении и закреплении следов преступлений и иных материальных объектов;

в) исследовании обнаруженных объектов, в выявлении их признаков, свойств, состояния механизма образования [1, с. 390; 2, с. 349; 3, с. 333; 4, с. 380].

Вместе с тем в криминалистической литературе отмечается еще более широкое толкование осмотра места происшествия как «комплекса следственных и розыскных мероприятий, данные которых используются для розыска по горячим следам». Такое разночтение, проявляющееся и в более поздних работах по криминалистике, можно было бы объяснить стремлением некоторых авторов представить «два в одном» — следственное действие и использование его результатов. Но это объяснение было бы слишком простым и не раскрывающим истинное положение дел. Да, это действительно следственное действие, но не случайно все криминалисты — ученые и практики так единодушны во мнении, что осуществлять его должна следственно-оперативная группа (СОГ), включая специалистов-криминалистов,

оперативных работников, медиков и др. Эта проверенная следственной практикой рекомендация позволяет говорить об осмотре места происшествия не только как о следственном действии, но и, по существу, как о деятельности, направленной на обнаружение, закрепление и исследование источников разыскной и доказательственной информации (следов преступлений) и ее безотлагательного использования в целях розыска лиц, совершивших преступление.

Место происшествия, отмечают многие ученые-криминалисты, является своеобразным и незаменимым источником самой разнообразной разыскной и доказательственной информации, в его осмотре сочетаются элементы многих следственных действий: обыска, эксперимента, выемки. Зачастую при его проведении осуществляются оперативно-разыскные мероприятия, а иногда и задержание подозреваемого, его опрос (по существу, допрос), личный обыск. Уже в процессе этого следственного действия предопределяются поводы и основания для назначения экспертиз, а также вопросы, требующие экспертного решения. Такая разноаспектность данного следственного действия, к тому же сопряженная с использованием различной криминалистической техники, объективно обуславливает необходимость его осуществления именно следственно-оперативной группой. Исключительной важности задачи, находясь в ее составе, призван решать специалист-криминалист, который:

- а) обнаруживает и распознает источники разыскной и доказательственной информации — следы преступлений;
- б) решает вопрос об их индивидуальном тождестве и возможности их идентификации;
- в) проводит сравнительное исследование обнаруженных следов и проверяемых объектов;
- г) устанавливает механизм и последовательность образования следов;
- д) решает вопросы о временных и причинно-следственных связях, характеризующих событие преступления;
- е) анализирует в системе «картину следов», обозначает возможности моделирования по ним

психологических и физико-анатомических признаков и свойств преступника.

Иначе говоря, специалист-криминалист призван помочь следователю не только выявить и профессионально грамотно зафиксировать следы преступлений, но и установить по ним индивидуальные, неповторимые и устойчивые признаки и свойства оставившего их человека и орудия преступления. В частности, по взаимному расположению следов можно определить, оставил ли их левша или правша; по следам разреза, разруба, сварки и резки металла устанавливают профессиональные навыки; по надкусам, окуркам можно судить о привычках и строении зубного аппарата; по дорожке следов ног можно установить рост, пол, его физические данные и т. д. При этом «...моторика преступника является источником информации

о комплексе присущих ему свойств: индивидуальных особенностей, телосложении, биометрических характеристик, силовых качеств, онтогенеза, двигательных предпочтениях, профессиональных, бытовых навыках, привычках, аномалиях психологического, патолого-анатомического и физического характеров» [5, с. 97].

Получаемые специалистом-криминалистом данные следователь анализирует и в установленном порядке отражает в протоколе осмотра места происшествия, а оперативный работник использует их в качестве разыскной информации. Следует заметить, что таким образом раскрывается большинство (по нашим данным до 56 %) преступлений бытового характера, в основе которых конфликты между родственниками, соседями, иногда знакомыми. Много сложнее складываются в этом отношении ситуации при осмотрах мест происшествий по хорошо замаскированным, тяжким и особо тяжким преступлениям. Именно они и были предметом нашего особого внимания при изучении современной практики и оценке осмотров мест происшествий.

Нами было изучено 162 протокола осмотра места происшествия по 185 уголовным делам (24 —

по убийствам, 22 — по тяжким телесным повреждениям, 47 — по разбойным нападениям и грабёжам, 12 — по изнасилованиям, 57 — по кражам из квартир). По 23 делам осмотры не проводились. В 22 % протоколов формально обозначался факт производства этого следственного действия (без каких-либо результатов); в 66 % — отмечаются факты обнаружения и изъятия следов преступлений и иных объектов (при этом в одном из пяти случаев изымалось два и больше следов), только в 9 % протоколов зафиксированы результаты их исследования с более-менее детальным описанием выявленных признаков, свойств и механизма образования.

Можно по-разному оценивать эти данные, воспринимая их умозрительно (хорошо или не очень), но если посмотреть на них с позиции в целом результативности осмотров мест происшествий, ответ становится более определенным и далеко не утешительным. Для этого нами по специально разработанной анкете был проведен пилотажный опрос 28 человек, проходивших в качестве обвиняемых или подсудимых по изученным делам. Полученные при этом данные об их следообразующих действиях на месте происшествия сравнивались с данными об изъятых следах преступлений, нашедшими отражение в протоколах осмотров. Таким образом, выяснилось, что с каждого места происшествия изымался примерно один из трех реально существующих следов преступлений. Этим непосредственно определяется эффективность института криминалистических экспертиз и в целом технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Естественно, не может быть исследовано то, что не обнаружено и не изъято [6, с. 22—25].

Низкая результативность осмотров мест происшествий следует из данных ЭКЦ МВД РФ за 2011 г. (в среднем с одного места происшествия, осматриваемого с участием специалиста-криминалиста, изымалось 1,08 следа). Это в 3—4 раза меньше, чем в некоторых зарубежных странах. Даже по убийствам, как писал П. П. Ищенко еще в 1990 г., «один след преступника удаётся обнаружить лишь в результате осмотра 5 мест

происшествий» [7, с. 47]. Нет никаких оснований полагать, что с тех пор положение улучшилось. Естественно, возникают вопросы, в чем причины, что делать?

В поисках ответов на эти вопросы в криминалистической литературе (Р. С. Белкин, А. Ф. Волынский, И. Пампушко, Н. Е. Скурыгина, А. Ю. Федоренко и др.) обращается внимание на несовершенство правового регулирования использования криминалистической техники (или научно-технических методов и средств) в раскрытии и расследовании преступлений; отмечается несоответствие исторически, много десятилетий назад сложившейся организации деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД современному уровню развития криминалистической техники, оставляет желать лучшего криминалистическая подготовка следователей и специалистов-криминалистов как важнейший элемент их профессиональной подготовки. Применительно к осмотру места происшествия положение усугубляется тем, что здесь приходится иметь дело с огромным разнообразием следов преступлений по их природе и механизму образования (в отличие от экспертиз, проводимых по отдельным видам следов), здесь необходимо обладать не только навыками обнаружения, фиксации, предварительного исследования каждого в отдельности взятого следа, но и анализа всей совокупности следов в их взаимосвязи. Можно сказать, разумеется, условно, что осмотр места происшествия — это самая сложная, проводимая в необычных (полевых) условиях «экспертиза», к тому же, во многом предопределяющая возможность не только производства экспертиз в лабораторных условиях по отдельным следам, но и формирование в целом доказательственной базы по уголовным делам.

Это значит, что специалист «по исследованию места происшествия» должен иметь не узко экспертную, а комплексную подготовку — в области криминалистики, химии, физики, биологии, электроники, автотехники и т. д., непосредственно в пределах, необходимых для технически грамотной работы с

соответствующими следами преступлений. Однако сегодня таких специалистов в нашей стране нет. Попытки ввести с этой целью в штаты экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП) ОВД так называемых техников-криминалистов и готовить их практически в форме стажировки или краткосрочных курсов успеха не имели (они оказались сотрудниками «второго сорта» со всеми вытекающими отсюда последствиями). Организаторам этих попыток, судя по всему, работа специалиста-криминалиста на месте происшествия почему-то казалась мелкой формальностью, связанной в основном с фотосъемкой. А в конечном итоге это выражается в ее формальном результате. Так, до сих пор в деятельности ЭКП ОВД РФ сохраняется организационная система, в которой функции эксперта и специалиста совмещаются в одном лице; система, сложившаяся при совершенно ином уровне развития криминалистической техники, при иных штатных возможностях этих подразделений.

К тому же, следует учесть, что эксперты ЭКП ОВД участвуют в качестве специалистов в проведении не только осмотров мест происшествий, но и иных следственных действий, а нередко оперативно-разыскных мероприятий. Они же обеспечивают ведение разнообразных экспертно-криминалистических учетов (следотеки, пулегильзотеки, поддельных денежных знаков, поддельных документов и др.). Очевидно, что столь многопрофильная и довольно объемная деятельность не может осуществляться достаточно профессионально по всем названным направлениям. При этом в большей мере «страдает» то из них, которое оказалось системно не контролируемым, результаты его объективно не оценивались, отношение к нему субъективизировано — это участие в осмотрах мест происшествий. Кроме того, обращают на себя внимание негативные организационные и психологические факторы:

1. Результаты технико-криминалистической работы, как известно, нужны следователю или следствию, а выполняет ее специалист «по приглашению», фактически не отвечающий, более того, никак не заинтересованный в конечных результатах этого следственного действия, как и в

целом процесса раскрытия и расследования преступлений.

2. Около 60 % экспертов ЭКЦ в виде малочисленных подразделений (групп, отделений, реже отделов) рассредоточены по территориальным ОВД РФ. Можно легко представить психологию их отношения к осмотру места происшествия и его результатам, если у него лежат материалы 3, 4, 5.. неисполненных экспертиз, а он должен искать, изымать (не говоря уже об исследовании) следы вновь совершенных преступлений и таким образом самому себе создавать дополнительную работу.

3. Другая часть экспертов сосредоточена в ЭКЦ на уровне МВД, ГУМВД, УВД субъектов Российской Федерации. Но здесь другая, скорей организационная проблема, связанная с их узкоэкспертной специализацией. Даже эксперт, специализирующийся по традиционным видам криминалистических экспертиз (почерковеды, «документалисты», трасологи, баллисты и др.), по большому счету, не обладает тем комплексом знаний и умений, потребность в которых обуславливается разнообразием следов преступлений на месте происшествия, о чем говорилось выше. В еще более безнадежном положении находятся эксперты ЭКЦ, специализирующиеся по иным видам экспертиз, которые, как правило, не имеют системной криминалистической подготовки и не готовы профессионально грамотно работать на месте происшествия, хотя они в большинстве своем, имея базовое образование в области естественных и технических наук, вполне успешно проводят соответствующие экспертизы и исследования в лабораторных условиях.

Анализируя сложившееся в этом отношении положение, А. Ф. Волынский в упомянутой выше статье (Сов. мил. 1984 г. № 5) обосновал необходимость организационного разделения в ЭКП ОВД функций экспертов и специалистов-криминалистов по примеру некоторых западноевропейских стран. Позже этот опыт им же упоминается в учебниках по криминалистике [4, с. 134; 8, с. 97].

Однако в таких реорганизациях не все так просто, как может казаться с первого

приближения. В этом отношении весьма показателен опыт реформирования экспертно-криминалистической службы Литвы, описанный С. Болдыревым и Я. Юшкявичюте. В соответствии со стандартом Евросоюза в этой стране в 2004 г. организационно разделили функции экспертов и специалистов, а в итоге в их работе отмечается негативный результат. Например, в Вильнюсском уезде на 19 % уменьшилось количество участий специалистов-криминалистов в осмотрах мест происшествий; один специалист оказался обязанным обслуживать 2—3 комиссариата полиции; СОГ были вынуждены по несколько часов ждать его прибытия; ухудшилось «качество изымаемых следов»; ослабилось взаимодействие специалистов с оперативными работниками и т. д. [9, с. 29—32].

Кто-то может сказать, что если эти недостатки наложить на российские просторы и дороги, результат получится еще более удручающий. И все-таки ситуация, как нам представляется, не так уж безнадежна. Негативный результат реформирования ЭКП Литвы, возможно, сами того не подозревая, объясняют авторы упомянутой статьи, когда отмечают, что за последние 10 лет четыре раза менялось название экспертно-криминалистической службы, а следовательно, как это обычно бывает, менялись ее структура и задачи. Но давно известно, что сами по себе реформы, ломающие обычную, привычную систему отношений и формирующие их в новом варианте, на время дезориентируют и реформируемые подразделения, и их сотрудников, а тем более, если они (реформы), как в данном случае, судя по всему, изначально не были в деталях продуманы (а иначе, зачем столько раз «изменялось» название службы). И, скорее всего, вся реформа заключалась в формальном делении сотрудников единой службы на две.

По нашему мнению, проведению такой реформы должна предшествовать основательно продуманная ее общая концепция, определяющая цель реформы и меры по ее достижению. В качестве общей цели реформирования ЭКП ОВД следовало бы определить формирование такой системы организации использования научно-технических

методов и средств в раскрытии и расследовании преступлений, при которой обеспечивались бы:

а) постоянная готовность к максимально эффективному их применению не только в лабораторных, но и в полевых условиях;

б) максимальное использование всех научно обоснованных возможностей для получения и исследования информации, скрытой в обнаруживаемых объектах, начиная с осмотров мест происшествий;

в) превращение естественно-научных данных в розыскную и доказательственную информацию и немедленная передача ее субъектам раскрытия и расследования преступлений.

Организационное разграничение функций экспертов и специалистов-криминалистов — это не самоцель, а лишь одна из мер по достижению названной цели. При этом важно понять, что:

1) специалисты-криминалисты по характеру и содержанию своей деятельности, по ее целям ближе к деятельности следователей (раскрытию и расследованию преступлений), а не к деятельности экспертов (производству экспертиз). Безусловно, экспертизы важное, но далеко не единственное средство доказывания, к тому же, эффективность которого зависит от результатов деятельности специалиста-криминалиста. Их помощь нужна при производстве практически всех следственных действий;

2) роль специалиста-криминалиста более эффективно выполняют специально подготовленные для этого сотрудники, несущие ответственность именно за это направление работы и ориентирующиеся в ней на конечный результат — раскрытие и расследование преступлений (о чем свидетельствует опыт зарубежных стран). Необходимо избавиться от мифа, что в качестве специалиста-криминалиста более успешно выступают эксперты-криминалисты. Таких экспертов-криминалистов практически уже не осталось по указанным выше причинам;

3) как бы многочисленна по своим штатам не была экспертно-криминалистическая служба, и на какие бы части ее не делили, очевидно, что профессионально грамотных специалистов-кримина-

листов в их организационно обособленном виде всегда хронически не будет хватать. Следовательно, необходимо изыскивать иные возможности удовлетворения потребностей практики раскрытия и расследования преступлений в специалистах-криминалистах.

Один из возможных вариантов решения этой проблемы подсказывает опыт работы «следователей-криминалистов» Следственного комитета России (ранее прокуроры-криминалисты). Это, как правило, наиболее опытные работники. Находясь непосредственно в штатах следственных подразделений, они оказывают следователям, своим коллегам по службе помощь не только в использовании следов преступлений, но и в решении организационных, тактических и методических задач процесса расследования в целом. Более того, их нахождение непосредственно в штате следственных подразделений и соответствующая деятельность способствуют популяризации возможностей криминалистики в раскрытии и расследовании преступлений, повышению уровня специальной криминалистической подготовки всех следователей [10, с. 146—169].

Проблема научно-технического обеспечения при осмотре мест происшествий, да и в целом раскрытия и расследования преступлений, межслужебная и любые попытки решать ее путем реформирования одной какой-то службы заведомо обречены на неудачу. Не исключено, что для этого потребуются перераспределение штатов, специальная подготовка следователей-криминалистов, их обеспечение следственными чемоданами и т. д. В таком случае организационно обособленные специалисты-криминалисты ЭКП ОВД смогли бы сосредоточить свои усилия на работе по раскрытию и расследованию тяжких и особо тяжких преступлений и, естественно, в оказании учебно-методической помощи следователям-криминалистам.

Таким образом, во-первых, будет реально обеспечена реализация одного из важнейших принципов организации управления предварительным расследованием — следственные подразделения должны иметь

непосредственно в своем распоряжении силы и средства под стать возложенным на них задачам; во-вторых, будет разрешено исторически сложившееся противоречие между узкой специализацией экспертов-криминалистов ЭКП МВД и необходимостью использования специалистом-криминалистом комплекса знаний и умений при осмотре места происшествия, а также при производстве иных следственных действий; в-третьих, будет разграничена и конкретизирована сфера деятельности экспертов и специалистов-криминалистов, повысится ответственность тех и других за ее качественное выполнение.

И последнее, учитывая сложность обозначенной в данной статье проблемы, противоречивость мнений о необходимости и возможных мерах ее разрешения, по нашему мнению, было бы целесообразно апробировать, отработать в деталях соответствующие преобразования путем организационного эксперимента на базе двух—трех ГУВД.

Автор с благодарностью примет все замечания и положения читателей, которые не равнодушны к происходящей в нашей стране реформе правоохранительных органов и в целом системы уголовного судопроизводства.

Примечания

1. Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. М.: БЕК, 1995.
2. Криминалистика / под ред. Р. С. Белкина. М.: Норма-Инфра, 1999.
3. Криминалистика / под общ. ред. А. Г. Филиппова. М.: Высшее образование, 2009.
4. Криминалистика / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М.: Юнити, Закон и право, 2010.
5. Фролова М. Н. К вопросу об исследовании свойств личности преступника, отобразившихся в следах // Известия Тульского государственного университета. Вып. 6. Тула: ТГУ, 2002.
6. Методика такого сравнительного анализа и оценки результативности осмотра места происшествия описана А. Ф. Волынским. См.: Место происшествия — следы ведут к преступнику // Советская милиция. 1984. № 5.
7. Ищенко П. П. Специалист в следственных действиях (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты). М., 1990.
8. Криминалистика / под ред. А. Ф. Волынского. М.: Юнити Закон и право, 1999.
9. Болдырев С., Юшкявичюте Я. Реформа экспертно-криминалистической службы Литвы. Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений // Материалы 3-й Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе. Москва, 15—17 марта 2006 г. Т. 1. М.: ЭКЦ МВД РФ, 2006.
10. Травкин Е. А. Взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с органами дознания при расследовании преступлений: дис ... канд. юрид. наук. М.: Мос. ун-т МВД РФ.